

Театр и жизнь
Журнал. №57. Декабрь 1933 г.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 792
ББК 85.33
Т29

Т29 Театр и жизнь: Журнал. №57. Декабрь 1933 г. / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-58224-7

ISBN 978-5-458-58224-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

патоку»), имѣя во главѣ пресловутую Екатерину Александровну Хвостову (ур. Сушкову), женщину, о которой въ обществѣ держалось преданіе, самую ея усердно распространяемое и внушаемое, будто ея «любилъ Лермонтовъ».

Романъ Лермонтова — Сушковой былъ странный. Поэтъ, почти мальчикомъ, влюбился въ барышню-кокетку, старшую его, и она заставила юнца «проливать слезы». Пять лѣтъ спустя, при возобновленномъ флиртѣ, слезы пришлось проливать уже Сушковой, ибо поэтъ отомстилъ ей за старое мистификаціей, надо правду сказать, очень некрасивой. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ А. М. Верещагиной, Лермонтовъ аттестуетъ Сушкову «лгуньей», въ другомъ «летучей мышью, которая крыльями цѣпляется за все встрѣчное».

Хвостова громко прославляла Апухтина, какъ новаго генія русской поэзіи, и увлекалась имъ безъ мѣры. На Чайковского, когда Апухтинъ ввелъ его въ кружокъ этой знаменитости, она произвела отрицательное впечатлѣніе.

Впослѣдствіи Апухтинъ имѣлъ репутацію чрезвычайно добродушнаго и безобиднаго толстяка-увальня. Въ юности было не такъ. Ихъ дружба съ Чайковскимъ выросла на почвѣ контрастовъ. Чайковский — сердце любвеобильное, умъ благожелательный, тонкая чувствительность даже до «гипертрофіи», потому что его слезливая сантиментальность вошла когда-то (благодаря насмѣшкамъ Н. Г. Рубинштейна) въ московскую поговорку. Апухтинъ къ большинству окружающихъ относился съ презрительнымъ равнодушіемъ, къ многимъ съ отвращеніемъ и только къ очень немногимъ съ симпатіей и любовью. Сообразно съ этимъ онъ вызывалъ такое же отношеніе къ себѣ: его мало любили, многіе ненавидѣли и только рѣдкіе питали дружбу или сочувствіе. Какъ человѣкъ «компанейскій», онъ имѣлъ, подобно Стивѣ Облонскому, множество «постыдныхъ ты», но мало ты искреннихъ.

Оба были великими «шармерами», очарователями людей. Но Чайковский достигалъ этого безсознательно, силою своей любвеобильности, врожденнымъ умѣньемъ входить въ положеніе

всякаго. Апухтинъ чаровалъ сознательно и разборчиво, — только тѣхъ, кого хотѣлъ или находилъ нужнымъ чаровать, съ лицами же ему неприятными или ненужными онъ самъ бывалъ неприятенъ, а могъ быть и дерзкимъ, и даже жестокимъ.

По свидѣтельству Герарда, Апухтинъ подавлялъ Чайковского даже, когда музыкальный талантъ послѣдняго обнаружился несомнѣнно и началъ привлекать вниманіе товарищей. «Его знаменитость меркла передъ знаменитостью Апухтина, настоящую звѣздку видѣли въ немъ, а не въ Чайковскомъ». По выходѣ изъ Правовѣдѣнія, дружба поэта и будущаго композитора не умалилась, но отношенія ихъ значительно измѣнили свой характеръ, такъ какъ Чайковский, окончательно утвердившись въ сознаніи своего таланта и призванія весь ушелъ въ музыку и, въ область ея, оказался работникомъ фанатически трудолюбивымъ и неутомимымъ. Музыка и новые музыкальные друзья оттѣснили Апухтина на второй планъ. Напрасно Чайковский звалъ друга послѣдовать его примѣру и приняться за литературный трудъ, такъ же серьезно и пристально, какъ онъ взялся за музыкальный. Поразительно сказалась разница между призваннымъ талантомъ и только легкимъ успѣхомъ, веселый баричъ, салонный «козеръ», прожигатель жизни съ двухъ концовъ, отвѣчалъ другу насмѣшливою проповѣдью убѣжденнѣйшаго дилетантизма:

«Ты, какъ наивная институтка, продолжаешь вѣрить въ «трудъ», въ «борьбу»! Странно, какъ ты еще не помянулъ о «прогрессѣ»?! Для чего трудиться?! Съ кѣмъ бороться? Пепинь-ерка милая, убѣдись разъ навсегда, что «трудъ» есть иногда горькая необходимость и всегда величайшее наказаніе, посланное на долю человѣка; что занятіе, выбранное по вкусу и склонности, не есть трудъ; что музыкальная дѣятельность для тебя такой же трудъ, какъ для г-жи Н. разговаривать съ М. или для П. покупка новаго галстука. Неужели же то, что я люблю съ красотой Х., считать тоже трудомъ?!

«Недурень тоже совѣтъ заняться литературой. Въ тѣ времена, когда «въ Россіи нѣкото-

рые изъ дворянъ занимались литературой», я еще могъ бы быть писателемъ, но теперь никакія силы не заставятъ меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и... семинаристами! Для меня въ современной русской литературѣ есть только одно священное имя: Левъ Толстой. Остальное все отъ Каткова до Писарева... Ну, довольно объ этой гадости!».

Ясно, что молодой человекъ, въ 26-лѣтнемъ возрастѣ дошедшій до тупика подобныхъ разсужденій, какъ бы ни былъ талантливъ по природѣ, не годился ни въ «новые Пушкины», ни въ «преемники Лермонтова». Неуваженіе къ своему призванію есть убійство призванія. И на Апухтинъ это оправдалось. Яркій метеоръ вспыхнулъ, безцѣльно прокатился по небу и бесплодно погасъ.

Дружба не умалилась, но роли друзей перемѣнились. Начиная съ середины шестидесятыхъ годовъ, жизнь Чайковского по самый роковой 1893 годъ — сплошной, безостановочный, послѣдовательный шагъ за шагомъ трудъ и пышный восходъ возрастающаго таланта, успѣха и вліянія. Жизнь Апухтина, — неврастеническая лѣнь и послѣ короткаго взлетнаго дня, послѣдовательный закатъ. Смерть Чайковского была катастрофой. Смерть Апухтина — логической неизбѣжностью, уборкою изжитого человѣческаго бытія за дальнѣйшею неужностью.

Странна литературная судьба этого поэта. Въ дни моей юности, въ семидесятыхъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ былъ очень популяренъ, параллельно Надсону. Одного ставили во главу «пушкинской традиціи», другого во главу традиціи «гражданской скорби». Я не любилъ ни того, ни другого, за что мнѣ не мало доставалось отъ моихъ ровесниковъ и сверстниковъ. Но, какъ оптическимъ обманомъ публики было любованіе этими поэтами на вершинахъ русскаго Парнаса, чуть ли не по близости къ его предѣльнымъ высотамъ, такъ точно оптической обманъ и послѣдовавшее вскорѣ развѣнчаніе ихъ въ ничтожества и, по снятіи лавровыхъ вѣнцовъ, утопленіе обоихъ въ болотъ забвеніе, за чертою Парнаса, «внѣ поэзіи».

Забутъ ли, однако, Апухтинъ? Нѣтъ, но съ нимъ произошло нѣчто, если не худшее забвенію, то равносильное ему. Легкія, поверхностныя психологическія настроенія и настроенница, которыми этотъ баловень жизни вдохновлялся, укладывая ихъ въ звонко-чеканный, правильный, удобный для музыкальнаго отраженія, стихъ, сдѣлали Апухтина любимымъ поэтомъ русскихъ композиторовъ-романистовъ. И музыканты «съѣли» поэта, вынули изъ него содержаніе и присвоили себѣ. Починъ былъ положенъ дружескою рукою Чайковского, а затѣмъ взялись за Апухтина полу-дилетанты и дилетанты. Въ особенности, потрафлявшіе на ту русскую породу, что, по словамъ нынѣшней зарубежной пѣсни, «не можетъ жить безъ шампанскаго и безъ пѣнія, безъ цыганскаго».

Апухтинъ и «цыганщина», — но не полевая, а ресторанныя, — тѣсно дружили при жизни поэта, а по смерти его слились, какъ бы въ нераздѣльность. «Пара гнѣдыхъ», «Ночи безумныя», «Она была твоя» и т. д. — всѣ эти голосовыя надгробія Апухтина, держатся гораздо прочнѣе, чѣмъ кладбищенскіе памятники и... собраніе его сочиненій! Мнѣ случалось встрѣчать въ послѣдніе годы не только заурядъ-интеллигентовъ, для которыхъ литературное имя Апухтина мертво, но и критиковъ, признававшихъ, что изъ Апухтина не читывали ни одного стихотворенія, и очень удивлявшихся, когда я имъ доказывалъ цитатами, что они ошибаются: отлично знаютъ Апухтина, — только не изъ чтенія, а изъ пѣнія.

Это не удивительно. Кто же «читаетъ» стихи, когда они уже «поются»? Кольцовъ величина, несравненно большая, чѣмъ Апухтинъ, но развѣ можно «читать» «Хуторокъ», «Не скажу никому», «На зарѣ туманной юности» и т. д.? Я пробовалъ «перечитать» Кольцова, когда писалъ объ Есенинѣ: очаровательно, но ужасно трудно. Между текстомъ поэта и вниманіемъ все время встаютъ стѣною мелодіи общезнакомыхъ музыкальных переложеній. То же самое и съ Апухтинымъ. Подобно Кольцову, онъ запѣтый поэтъ. Это надолго сохранить его тексты, но уничтожаетъ и уже уничтожило его

самого. Кто не знает хотя бы «Не называй ее небесной» Глинки и Даргомыжского? А кто помнить, что это стихи Павлова, талантливого беллетриста 30-40-хъ г.г.? Увы! композиторъ одновременно и другъ поэта, и пожиратель его славы.

Заслужилъ ли Апухтинъ свою участь? По притчѣ о закопанномъ въ землю талантѣ — да; но вообще-то, по душѣ, жалко: какъ-то безъ

пути, задешево сошла на нѣтъ несомнѣнно крупная «Божьей милостью» поэтическая сила. За одно со стихами увяла уже совсѣмъ незаслуженно и проза Апухтина. Ея немного, всего два рассказа, но, вѣдь, это перлы русского литературнаго языка, — въ самомъ дѣлѣ «лермонтовскаго».

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Музыка и пѣніе въ жизни Тургенева

Корни всѣхъ искусствъ сплетаются и переплетаются гдѣ-то глубоко во тѣмъ подсознательнаго, въ каждой крупной художественной индивидуальности. Писатель часто близокъ къ живописцу или къ музыканту по самому духу своего творчества. Такъ стихи Шиллера или Блока таятъ въ себѣ безусловно духъ музыкальнаго творчества. Блокъ говорилъ, что стихи всегда приходили къ нему въ качествѣ звуковъ и затѣмъ лишь кристаллизировались словами. Вся прелесть стиховъ Шиллера заключается въ ихъ внутреннемъ музыкальномъ строеніи. Въ противоположность поэтамъ-музыкантамъ есть и поэты-живописцы, какъ, на примѣръ, Гете или Пушкинъ. Но и въ поэтахъ-живописцахъ все-таки есть многія мѣста, таящія въ себѣ духъ музыки. Тургеневъ принадлежалъ къ типу поэтовъ-живописцевъ. Его описанія природы вызываютъ въ нашемъ воображеніи прежде всего зрительный образъ.

Но многіе изъ наиболѣе оригинальныхъ и глубоко-индивидуальныхъ твореній Тургенева, на примѣръ, «Стихотворенія въ прозѣ», «Довольно», «Призраки», своей чеканно-ритмической прозой, своими неуловимыми оттѣнками чувствъ и настроеній, заставляютъ насъ чувствовать и переживать ихъ, какъ музыкальныя произведенія.

Тургеневъ всю жизнь близко стоялъ къ музыкѣ, и она не могла не отразиться и на его художественномъ творествѣ. Музыкой нача-

лась и его единственная, трогательно-романтическая и глубокая привязанность къ Віардо.

Полина Віардо-Гарсія появилась въ Петербургѣ въ сезонъ 1843-1844 года. Первый выходъ ея въ «Севильскомъ цирюльникѣ» вызвалъ небывалыя оваціи. Ея успѣхъ въ Петербургѣ соотвѣтствовалъ ея успѣху въ другихъ крупныхъ европейскихъ центрахъ. По свидѣтельству современниковъ — Гейне, Гуно, Листа, Берліоза, — Віардо соединяла необычайный по красотѣ голосъ съ тонкой музыкальностью и глубокимъ проникновеніемъ въ исполняемое. Она происходила изъ семьи музыкантовъ. Ея отецъ Мануэль Гарсія былъ замѣчательнымъ теноромъ, превосходнымъ артистомъ и профессоромъ пѣнія. Ея сестра была знаменитая Мелибранъ. Она рано умерла, но за свою короткую жизнь успѣла стяжать себѣ безсмертную славу.

Первые же шаги Полины Гарсія (позднѣ вышедшей замужъ за Віардо въ 1841 г.) были настоящимъ триумфомъ. Ея голосъ былъ такъ великъ по діапазону, что она могла пѣть и сопрановыя и контральтовые партіи. Такъ, на примѣръ, она пѣла Валентину въ «Гугенотахъ» и Фидесъ въ «Пророкѣ» съ одинаковымъ успѣхомъ. Тургеневъ былъ въ театрѣ на первомъ выходѣ Віардо въ Петербургѣ и сразу же былъ зачарованъ ея искусствомъ. Такъ любовь пришла къ Тургеневу черезъ музыкальное воспріятіе. Этимъ можетъ быть и объясняется ея романтичность и какая-то особая духовность.

Знакомство съ Віардо окончательно покорило Тургенева, уже замороженнаго раньше ея искусствомъ. Интересно, что Віардо потомъ шутиливо рассказывала, что Тургеневъ ей былъ рекомендованъ, какъ молодой помѣщикъ; славный охотникъ, очень интересный собесѣдникъ и... плохой поэтъ... Съ года ихъ знакомства и началась любовь Тургенева къ Віардо, кончившаяся только съ его смертью. Характеръ ихъ отношеній еще до сихъ поръ не вполне выясненъ. Для темы, затронутой мной это и не важно. Важно же то, что Тургеневъ интересовался Віардо не только какъ женщиной и человекомъ, но и какъ артисткой и музыкантшей. Онъ беспокоится объ ея искусствѣ, непрестанно даетъ ей совѣты и указанія относительно ея исполненія тѣхъ или иныхъ ролей. Онъ такъ интересовался ея музыкальными достижениями, что даже въ старости сидѣлъ и слушалъ, какъ она давала уроки пѣнія. Объ этомъ присутствіи Тургенева на урокахъ Віардо пишетъ Апрель-Бларамбергъ, а также многія другія ученицы Віардо. Когда же тяжелая болѣзнь помѣшала Тургеневу лично присутствовать на урокахъ Віардо, онъ провелъ къ себѣ въ комнату слуховую трубку, чтобы все же слышать ея уроки.

Тургеневъ интересовался и композиторскимъ даромъ Віардо. Онъ написалъ тексты къ комическимъ операмъ ея сочиненія. Такъ совмѣстно ими были сочинены три оперетты: «Слишкомъ много женщинъ». «Послѣдній колдунъ» и «Людоѣдъ».

Онѣ ставились въ Баденѣ на частной сценѣ, устроенной въ домѣ Тургенева, причемъ исполнителями являлись сама Віардо, ея дочери, ученики и ученицы, а также и самъ Тургеневъ, выступавшій въ комическихъ роляхъ. Эти представленія привлекали цвѣтъ международного великосвѣтскаго и артистическаго общества, сѣзжавшагося въ тѣ времена въ Баденъ-Баденѣ.

Одно изъ такихъ представленій описано Кларой Шуманъ въ письмѣ къ Брамсу. Клара Шуманъ была долготѣней пріятельницей Полины

Віардо. Натуры обѣихъ артистокъ были глубоко различны. Чуждавшаяся большого общества Клара Шуманъ всю жизнь посвящала памяти и распространенію произведеній своего трагически погибшаго мужа, она была скромной и углубленной въ себя. Полина Віардо была всегда блестящей свѣтской женщиной. Но одинаково искренній интересъ къ искусству сближалъ ихъ. Клара Шуманъ была въ восторгѣ отъ комическихъ оперъ Віардо. Она пишетъ Брамсу, что музыка Віардо поразила ее свѣжестью и оригинальностью, исполненіе своей стройностью, ритмичностью и точностью.

Тургеневъ, играя на сценѣ, не всегда хорошо себя при этомъ чувствовалъ, — такъ онъ пишетъ Пичу (26 октября 1867 г.): «Итакъ Абекенъ рассказывалъ вамъ о моей игрѣ... Ну, тогда мнѣ незачѣмъ входить въ подробности. Долженъ сознаться только, что когда я въ роли «паши» лежалъ на землѣ и видѣлъ, какъ на неподвижныхъ устахъ вашей надменной кронпринцессы (это была Викторія, дочь английской королевы того же имени, супруга будущаго кратковременно царствовавшаго втораго императора германскаго, Фридриха III) медленно играло отвращеніе холодной насмѣшки, — что-то во мнѣ дрогнуло. Даже при моемъ слабости уваженіи къ собственной персонѣ, мнѣ представилось, что дѣло зашло ужъ слишкомъ далеко. При всемъ томъ эти представленія были милы и очаровательны».

Одинъ разъ оперетта «Послѣдній колдунъ» была представлена и въ болѣе официальной обстановкѣ на герцогскомъ театрѣ въ Веймарѣ. Листъ, которому она очень понравилась, инструментовалъ ее для сцены. Тургеневъ былъ въ публикѣ и сильно волновался. «Что меня теперь интересуетъ, — пишетъ онъ Фету 18 февраля 1869 года, — это первое представленіе нашей оперетты «Послѣдній колдунъ» съ музыкой Віардо на Веймарскомъ театрѣ. Я непременно туда поѣду и буду трепетать, хотя успѣхъ вѣроятно: музыка прелестная. Если оперетта понравится, то это можетъ имѣть важное вліяніе на будущую карьеру Віардо; она займется композиторствомъ».

Въ домѣ Віардо Тургеневъ встрѣчалъ много музыкантовъ и артистовъ. Берліозъ, Листъ, Гунно, Мейерберъ были ея частыми гостями. Въ Баденѣ бывалъ въ ея домѣ и Брамсъ. Віардо сама была музыкантшей романтическаго направленія. Она была и прекрасной піанисткой (ученицей Листа). Это романтическое направленіе музыкальнаго окруженія Тургенева страшилось и на его творчествѣ и на его отношеніи къ музыкальному искусству. Вспомнимъ, романтическое описаніе импровизаціи стараго учителя музыки въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Въ разсказѣ «Несчастливая» Тургеневъ вкладываетъ въ уста самаго антипатичнаго персонажа Ратча сентенціи консервативно филистерской части музыкантовъ. Ратчъ возмущается послѣдними сонатами Бетховена, называя ихъ «фантастическимъ бредомъ». Сусанна же, одна изъ самыхъ поэтичныхъ и нѣжныхъ женскихъ образовъ Тургенева, живетъ этимъ «романтическимъ бредомъ», она увлекается Бетховеномъ и Шопеномъ. Ясно, что душой Тургеневъ съ Сусанной, а не съ Ратчемъ.

Такихъ замѣчаній относительно музыки, всегда мѣткихъ, всегда исполненныхъ глубокаго пониманія сущности музыкальнаго искусства, очень много разсыпано по произведеніямъ Тургенева. Видно, что музыка въ его жизни и психологіи его творчества играла важную роль. И развѣ могъ человѣкъ, далекій отъ музыки написать такую чеканную и ритмическую прозу, какой написаны «Стихотворенія въ прозѣ» или «Пѣснь торжествующей любви».

Такъ любовь къ Віардо не только вдохновляла Тургенева, но и обогатила его душевный міръ. Можетъ быть много горькихъ минутъ принесла великая пѣвица и артистка Тургеневу, но не только это принесла она ему. И счастье, и вдохновеніе и духъ музыки принесла она великому писателю, отдавшему ей душу и жизнь безъ остатка. Были ли когда-нибудь женскія руки, болѣе достойныя, принять этотъ великій даръ? Такъ міръ музыки вошелъ въ душу Тургенева вмѣстѣ съ его единственной и великой любовью...

В. ПАСТУХОВЪ.

Корневильскіе колокола

(30-лѣтіе смерти Планкетта)

Зовутъ этотъ опусъ Планкетта опереткой, но самъ авторъ называлъ его музыкальной комедіей. Онъ написалъ «Корневильскіе колокола», когда ему было 29 лѣтъ. Это было въ 1877 г. и новой опереткѣ пришлось выдержать ожесточенную конкуренцію съ «Дочерью мадамъ Анго». «Корневильскіе колокола» сразу имѣли огромный успѣхъ, и 300-й спектакль ихъ былъ отпразднованъ черезъ неполныхъ 11 мѣсяцевъ послѣ перваго представленія въ «Фоли Драматикъ». Въ этотъ день директоръ театра роздалъ публикѣ въ видѣ угощенія 2.000 хлѣбцевъ съ молокомъ и пивомъ.

Въ этомъ году для «Корневильскихъ колоколовъ» исполняется памятная дата. Это — 30 лѣтъ со дня смерти Планкетта. Изъ его 14 опереттъ на такой долгій срокъ его пережили только «Корневильскіе колокола».

Что сказать о «Корневильскихъ колоколахъ»? Они — какъ старая, хорошо знакомая, много разъ читанная книга, которую снимаешь съ полки, машинально открываешь ее и... часами стоя у книжнаго шкафа, читаешь. Она много разъ ставилась, но стоитъ того, чтобы снова поставить ее послѣ самыхъ модныхъ оперетокъ. Неудивительно. Она, безъ сомнѣнія, переживетъ многія изъ нихъ. Не зря ее называютъ и комической оперой, и опереткой. Своимъ правдивымъ, искреннимъ сюжетомъ «Корневильскіе колокола» производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Ихъ музыка полна своеобразнаго волшебства. Она не испорчена никакой искусственностью, она дышетъ здоровьемъ и душевнымъ равновѣсіемъ.

И. Е.

Рождественскіе миражи

— Ты плачешь?.. Напрасно! Смотри: окно заледенѣло, въ каминѣ пылаетъ антрацитъ и все вокругъ насъ, въ нашей коморкѣ, тихо, мирно и благодатно. Не плачь, не тоскуй, ибо не къ чему!

— Что? Что ты говоришь? У тебя была другая жизнь? Другъ мой, у всѣхъ, у насъ, была другая жизнь! И были счастливые дни, были хрустящіе морозы, радовавшіе нашу душу, были зеленые елки, на которыхъ нѣжно мигали тонкія, разноцвѣтныя восковыя свѣчи. Все было!.. Но если этого теперь нѣтъ, къ чему рыдать? Погоди: наступитъ время, — все вернется!

— И ты все-таки не улыбаешься. Все-таки, насупившись, молчишь? Э, друже!..

**

Мы двое, — онъ и я, — вышли на парижскую улицу и сразу утонули въ толпѣ, медленной волной разлившейся по ярко-освѣщеннымъ троттуарамъ, мимо деревянныхъ будокъ, мимо газетныхъ кіосковъ, то подкатываясь къ витринамъ магазиновъ, то стараясь не сойти на мостовую, подъ брызги автомобилей.

Въ карманѣ — нѣсколько жалкихъ франковъ. Въ душѣ-же не то тоска, не то тупое безразличіе.

И въ эти мгновенія, происходило со мной что-то удивительное.

Вотъ, я чуть не столкнулся съ парочкой: шаблонный парижскій «комми» въ котелкѣ, разбурманенный отъ предпраздничнаго возбужденія, и она, средняго роста смуглянка, въ дешевомъ, но модномъ, манто, съ ажурными чулками цвѣта «танго» (увы, не въ модѣ теперь) и съ задорной улыбкой на устахъ.

Что проще? На бульварѣ! Въ Парижѣ! Такія встрѣчи происходятъ на каждомъ шагу. А между тѣмъ...

Наши взоры мимолетно встрѣтились. И точ-

но сквозь дивную призму, я увидѣлъ прошлое: и сонныя улицы глухого русскаго городка, и затихшіе фасады низкихъ, бѣлыхъ домовъ, оголенные вѣтви акацій, проторенныя дорожки среди снѣжныхъ сугробовъ, гдѣ то сквозь щели ставень мигающій свѣтъ... Вотъ слышны голоса... Тамъ тѣни показались... Все ближе, ближе... Кто-то спѣшитъ домой, усталый и довольный, съ пакетами, съ подарками для близкихъ, въ сознаніи покоя...

А вотъ она, — елка! Какая нѣга! Казалось бы: пустякъ, — простая хвоя, грубымъ топоромъ вырванныя изъ лѣсной семьи. Анъ нѣтъ! Сіяя мишурой, огнями залитая, вся ароматная и тихая въ своей рождественской печали, слезясь лучистыми, смолистыми слезами, она, какъ вѣянье налаженного быта, наводитъ на душу и миръ, и тишину...

Вотъ промелькнулъ французъ-солдатъ. И, глядя на него, вспоминаются наши... тѣ, которые съ налета, подъ первый громъ, пошли впередъ...

И которыхъ больше нѣтъ.

**

— Куда-бы спрятаться? И холодно, и скучно, и мучительно тоскливо. Не такъ было въ Россіи! Не такъ встрѣчали Рождество!

— Пойдемъ домой!

— Туда?.. Въ мебелирашку? Съ камнемъ въ петлю, съ штепселемъ для «экономической» лампочки накаливанія? Мимо гарсона Жака въ полосатомъ красно-бѣломъ жилетѣ? Ни за что!

**

Передъ нами, на столѣ, воткнутая въ легкой вазѣ, елочная вѣтвь, украшенная лентами, самодѣльными картонажами, дешевыми конфетами и цѣпами изъ газетной бумаги... Гдѣ то въ зелени вѣтви мерцаютъ огоньки...

— Расскажите что-нибудь!

— О чемъ?

— О томъ, какъ было тамъ!

— Къ чему теребить раны?

— Глупый вы! Вѣдь будетъ же этому конецъ. Вѣдь не можетъ-же такъ продолжаться. Ну, одухотворитесь и навѣйте на насъ тѣни прошлого.

— Хорошо, я вамъ расскажу...

— Мы слушаемъ...

— За горами, за долами, въ хвойномъ лѣсѣ, въ терему, жила-была, расцвѣтала, дѣва-красна красавица собой. Въ ночь морозную, лихую, подъ тягучій вѣтра вой, красна дѣвица собралась, и въ шубенкѣ нараспашку вышла въ лѣсъ...

Что въ сосновой благодати? Лишь мятель, снѣгъ да печали... ничего! Идетъ довольна. Ищетъ свѣтла Рождества! Лѣсъ дремучій, лѣсъ могучій, весь засыпанъ снѣгомъ бѣлымъ, весь пройденъ ледянымъ вѣтромъ!

Ничего, идетъ дѣвица, улыбается сквозь мысли и зоветъ-зоветъ призывно:

«Гдѣ ты? Гдѣ ты? Дѣдь хороший! Дѣдь Рождественскій! Прійди-ка!».

— Довольно! Довольно!.. Не въ моготу слушать!.. Вѣдь мы не тамъ, не у себя, а здѣсь, въ Парижѣ...

— Но и здѣсь Рождество.

— Не то! Ахъ, не то! Тамъ было другое. Свѣтлое. Радостное. Хорошее и милое. Наше...

— Тсс!.. Молчите! Въ этотъ вечеръ да не будутъ ваши мысли озлоблены, изжелчены и жалобны. Тсс!.. Сегодня Рождество!

Упала послѣдняя свѣча. Въ комнатѣ снова тускло и уныло...

АЛЕКСАНДРЪ ФИЛИПОВЪ.

Новыя рукописи А. С. Пушкина

Большой интересъ въ югославскихъ литературныхъ кругахъ вызвала совершенно неожиданная находка подлижныхъ рукописей А. С. Пушкина у сербскаго литератора-переводчика русскихъ авторовъ Ювана Максимовича.

Найденныя рукописи представляютъ собою черновики съ массой поправокъ, зачеркнутыхъ строкъ; кое-гдѣ на поляхъ имѣются собственноручные рисунки Пушкина.

Рукописей всего 56 страницъ писчей бумаги большого стариннаго формата. Большинство произведений относится къ ранней порѣ творчества поэта. Между прочимъ, среди рукописей, найденъ оригинальный списокъ «оды богу Бахусу», считавшійся утеряннымъ.

Согласно экспертизѣ, сдѣланной русскими учеными А. Л. Погодинымъ и Л. М. Сухотинымъ, идентичность рукописей не вызываетъ никакого сомнѣнія. Къ разбору рукописей уже приступлено и находка эта явится несомнѣнно цѣннымъ вкладомъ въ пушкиновѣдѣніе.

О томъ, какъ могли попасть въ Бѣлградъ рукописи Пушкина, высказываются различныя предположенія. Самъ Юванъ Максимовичъ строитъ такую гипотезу.

Въ давнія времена на старомъ бѣлградскомъ кладбищѣ онъ видѣлъ могильную плиту съ надписью на

русскомъ языкѣ, гласившей, что здѣсь погребенъ Туманскій. Годъ на плитѣ былъ 1853.

Далѣе, какъ утверждаетъ Юванъ Максимовичъ, по наведеннымъ имъ справкамъ, онъ установилъ, что два брата Туманскихъ были поэтами, сверстниками Пушкина. Одинъ изъ нихъ, чью могилу онъ видѣлъ, былъ русскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ.

Такъ какъ эта гипотеза казалась очень искусственной, то Ювана Максимовича просили сообщить, откуда у него рукописи Пушкина, какъ онѣ къ нему попали.

Свой отвѣтъ Юванъ Максимовичъ почему-то облекъ въ очень таинственную форму:

— Я ихъ получилъ отъ одной старинной культурной бѣлградской семьи, предки которой торговали съ Россіей...

Недавно, однако, удалось выяснитъ, что собственникомъ пушкинскихъ рукописей является чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Миодрагъ Обрадовичъ, передавшій рукописи Ювану Максимовичу, какъ переводчику-специалисту, для ознакомленія.

Дѣйствительно, рукописи достались Миодрагу Обрадовичу по наслѣдству отъ дѣда Алексѣя Обрадовича, крупнаго торговца, часто ѣздившаго въ Россію за различными товарами... Какъ и почему къ нему попали рукописи — неизвѣстно.

Два выдающихся художника Франціи

Въ Осеннемъ Салонѣ, весьма посредственнаго уровня, помѣщены произведенія двухъ поистинѣ замѣчательныхъ художниковъ, — выставка ихъ и радуется и вызываетъ чувство грусти, такъ какъ обѣ выставки посмертныя.

Утрата такого скульптора какъ Понпонъ и такого живописца какъ Де-ла-Пательеръ, утрата печальная для французскаго искусства.

Къ великому позору художественной критики первый изъ нихъ несмотря на огромный талантъ и величайшее мастерство былъ признанъ и прославленъ лишь въ старости и даже глубокой, второй былъ недооцѣненъ и критика, расточающая похвалы передъ модными знаменитостями, высоко котирующимися на художественной биржѣ слабо реагировала на это выдающееся и своеобразное явленіе въ области живописи, какъ творчество преждевременно скончавшагося, отравленнаго газами и тяжело контуженнаго на войнѣ большого художника Де-ла-Пательера.

Понпонъ чаруетъ не только огромнымъ мастерствомъ, достигающимъ монументальнаго величія, но еще и тѣмъ, что въ искусствѣ является безцѣннымъ, — нѣжной любовью, какимъ-то духовнымъ и душевнымъ проникновениемъ, вдохновлявшими его въ неустанной работѣ.

Съ религіознымъ чувствомъ и интересомъ изучалъ онъ многообразный міръ животныхъ: голубка, сидящая на гнѣздѣ, львица, крадущаяся на мягкихъ лапахъ, олень, сова, цапля, монументальный быкъ, во всякой Божьей твари старый и вѣчно юный своей душой мастеръ находилъ источникъ радости и вдохновенія.

Такихъ анималистовъ Франція не имѣла (а мастеровъ было не мало), въ которомъ сочеталось-бы такое великое искусство съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ.

Не менѣе исключительнымъ явленіемъ на фонѣ французской живописи, измелъчавшей въ погонѣ за наиболѣе яркимъ выявленіемъ сомнительной цѣнности ху-

дожественныхъ индивидуальностей, является Де-ла-Пательеръ:

Отличается онъ, можно сказать смѣло, рѣшительно отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ его искусствѣ есть подлинная одухотворенность, даже нѣкоторая потусторонность, несмотря на кажущійся реалистическій подходъ, на грузную, тяжелую живопись.

Въ немъ было подлинное величіе замысла и, что стало рѣдчайшимъ явленіемъ, — подлинная поэзія, которая есть и у столь не похожего по заданію Боннара. Его дѣвушки, странныя, въ простыхъ красныхъ берегахъ, въ узорчатыхъ, цвѣтныхъ юбкахъ, не красивыя — величественны и монументальны.

Странный лунный свѣтъ выявляетъ яркія пятна почти чистой, тяжелой краски, среди бархатно - темныхъ массъ зелени и фона; лица трактованы почти какъ на фрескахъ, сколько духовнаго въ еле намѣченныхъ чертахъ!

На одномъ холстѣ дѣвушка тянется сладко чѣмъ-то грезя, къ призраку арлекина; на другомъ — дѣвушки лежатъ въ травѣ. Поютъ линіи тѣла, поютъ линіи голыхъ сучей дерева, лежитъ скрипка! Замѣчательна картина, проникнутая эпическимъ величіемъ женщина съ прекрасно написанной коровой; это цѣнный кусокъ живописи на ряду съ мастерскимъ, висящимъ рядомъ, натюръ мортъ.

А какая поэзія разлита въ маленькомъ простомъ эртерьерѣ: диванъ, дверь, вдали фигуры; какъ будто ничего особеннаго, а особенно чувство краски и **чувство** вообще; многимъ ли оно теперь понятно и доступно?

КН. СЕРГѢЙ ЩЕРБАТОВЪ.

«ГРАДЪ КИТЕЖЪ» ВЪ «СКАЛѢ»

П. И. Мельниковъ получилъ приглашеніе поставить въ миланской «Скалѣ» «Сказаніе о градѣ Китежѣ». Спектакль состоится въ началѣ декабря. П. И. Мельниковъ приглашеніе принялъ. Для исполненія партіи «кутермы» приглашенъ извѣстный теноръ К. Піотровскій.

„Въ саняхъ съ Императоромъ“

Въ Парижѣ впервые опубликованы воспоминанія Коленкура, извѣстнаго сподвижника Наполеона I, сопровождавшаго, между прочимъ, своего императора во время бѣгства послѣдняго въ саняхъ изъ Россіи. Отсюда и названіе мемуаровъ «Въ саняхъ съ императоромъ».

Опубликованныя воспоминанія представляютъ собой весьма значительный интересъ и имъ посвящена большая статья въ послѣднемъ номерѣ парижской газеты «Нувель Литереръ».

Де Коленкуръ былъ однимъ изъ тѣхъ «дипломатовъ-солдатъ», которыхъ породила имперія. Онъ былъ посломъ Наполеона при дворѣ русскаго императора Александра I, являясь горячимъ сторонникомъ дружественнаго союза съ Россіей. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ мирнаго сожительства Франціи съ Россіей и дѣлалъ на своемъ посту все возможное, чтобы избѣжать войны, призраки которой носились уже съ 1808 года.

Но пацифистскія теченія не были въ модѣ при дворѣ Наполеона. Самъ императоръ считалъ, что его посолъ черезчуръ «руссифицированъ» и въ концѣ концовъ отозвалъ его. По возвращеніи въ Парижъ, де Коленкуръ не встрѣтилъ расположенія императора, который всегда надсмѣхался надъ нимъ по поводу его миролюбивыхъ стремленій.

Не легко было Коленкуру проявлять свои пацифистскія воззрѣнія при дворѣ императора, только и думавшаго о войнѣ. И придворные, беря примѣръ съ императора, не переставали надсмѣхаться надъ бывшимъ посломъ, при возвращеніи снова получившимъ за вѣдываніе дворцовымъ «конюшеннымъ вѣдомствомъ».

Какъ-то на одномъ изъ празднествъ, гостей развлекалъ автоматъ, какъ двѣ капли похожій на Коленкура и безпрестанно повторявшій одну и ту же фразу: «Миръ создаетъ счастье народовъ!». Надъ этой фразой всѣ хохотали.

Но въ одинъ прекрасный день разговоры и шутки о мирѣ кончились. Прозвучали сигнальныя трубы и Коленкуръ отправился въ походъ со своимъ императоромъ, рѣшившимъ «отодрать за уши» русскаго императора.

Коленкуръ продѣлалъ весь походъ съ Наполеономъ и жилъ съ нимъ въ сторѣвшей Москвѣ. Напрасно убѣждалъ Коленкуръ Наполеона бѣжать изъ Москвы, зная по собственному опыту, какъ внезапно наступаетъ и какими морозами сопровождается зима въ Россіи. Императоръ и здѣсь продолжалъ смѣяться надъ Коленкуромъ и говорилъ другимъ приближеннымъ:

— Коленкуръ уже чувствуетъ себя замерзшимъ!

Но вскорѣ настала часть, подтвердившій страхи Коленкура. Императоръ бѣжалъ поспѣшно черезъ Вильно, направляясь въ Парижъ. Онъ торопился къ французамъ и по дорогѣ говорилъ сопровождавшему его Коленкуру:

— Французовъ, какъ и женщинъ, нельзя покидать надолго!..

Коленкуру пришлось самому привести въ исполненіе планъ бѣгства. Онъ самъ раздобылъ сани, въ которыхъ и помѣстилъ своего императора, усѣвшись рядомъ съ нимъ. Холодъ преслѣдовалъ бѣглецовъ.

Въ теченіе этого печальнаго путешествія Наполеонъ откровенно развивалъ передъ Коленкуромъ свои планы, дѣлился съ нимъ интимными откровеніями.

Во время этихъ откровенныхъ разговоровъ Наполеонъ все время говорилъ, что мечтой его жизни является миръ, но что дѣлу европейскаго мира противятся Англія, которая боится, что Франція можетъ воспользоваться мирнымъ періодомъ для постройки новаго флота.

— Пора уже и мнѣ, Коленкуръ, заняться миромъ, чтобы отдохнуть самому и чтобы подумать о мирномъ устройствѣ французскаго государства. Ежегодно я буду посвящать 4 мѣсяца путешествіямъ по Франціи. Я буду знакомиться съ жизнью своихъ подданныхъ и буду дѣлать все для ихъ благополучія и по прошествіи 10 лѣтъ они станутъ благословлять меня такъ же, какъ теперь проклинаютъ.

Наполеонъ, возвращаясь къ себѣ на родину, не дѣлалъ себѣ иллюзій по поводу чувствъ, которыя испытывали къ нему французы.

И по поводу своей «репутаціи», онъ говорилъ Коленкуру:

— Я стараюсь казаться болѣе злымъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ. Меня считаютъ жестокимъ и даже свирѣпымъ. Тѣмъ лучше. Это избавляетъ меня отъ необходимости быть такимъ на самомъ дѣлѣ.

О знаменитомъ министрѣ полиціи Фушѣ Наполеонъ высказался съ презрѣніемъ: «Это воръ, прибирающій все къ своимъ рукамъ. Его можно использовать, но никогда не слѣдуетъ ему довѣрять».

О Талейранѣ Наполеонъ высказался такъ: «Это самый способный изъ всѣхъ министровъ, которыхъ я видѣлъ. Онъ бросилъ въ меня камнемъ, какъ дѣлаютъ трусы, когда ему показалось, что настала моя кончина».

Наполеонъ былъ убѣжденъ, что въ первый же день его паденія онъ останется одинъ, покинутый всѣми, причемъ первыми его покинутъ именно тѣ, которые ему больше обязаны.

Король Фейсаль

Английскія газеты полны описаній торжественныхъ приемовъ, устраиваемыхъ въ Лондонѣ по случаю пріѣзда Иракскаго короля Фейсала. Этого восточнаго властителя на этотъ разъ встрѣчаютъ въ Англіи съ особымъ почетомъ, такъ какъ пріѣздъ его связанъ съ состоявшимся недавно подписаніемъ великой хартіи, предоставляющей его странѣ полную независимость. До того Иракъ со времени окончанія Великой міровой войны находился, какъ извѣстно, подъ британскимъ мандатомъ. Теперь мандатъ замѣненъ союзнымъ договоромъ, дающимъ Англіи возможность содержать въ Иракѣ свои авіаціонныя станціи, что для нея особенно важно въ цѣляхъ поддержанія воздушнаго сообщенія съ Индіей.

Король Фейсаль во всѣхъ отношеніяхъ современный арабъ. Его отецъ властвовалъ надъ священной территоріей Мекки. Но онъ не былъ независимымъ властителемъ. Онъ былъ не болѣе, чѣмъ турецкимъ губернаторомъ, хотя и обладалъ извѣстной независимостью и хотя считался при турецкомъ дворѣ представителемъ великой Аравіи.

Когда 10 лѣтъ тому назадъ король Фейсаль въѣхалъ на конѣ въ Багдадъ, нельзя было еще по настоящему говорить о народѣ, странѣ, націи въ Месопотаміи. Было тамъ нѣсколько шейховъ пустыни, было извѣстное число арабовъ-горожанъ, большая часть бедуинскаго населенія обитала въ пескахъ огромной пустыни. Шейхи были всего лишь владѣльцами болѣе или менѣе крупныхъ стадъ верблюдовъ. Они жили въ шатрахъ, время отъ времени снимая ихъ, чтобы отправиться дальше и они признавали лишь совершенно теоретическое верховное главенство Фейсала. Вотъ изъ этого-то нужно было выковать страну, — королевство.

Въ теченіе короткаго времени Фейсаль достигъ очень многого. Можно сказать, что ему удалось заставить въ пустынѣ разцвѣсти розы. Были построены города, проведены каналы, созданы гавани, и изъ стараго, ставшаго уже почти сказочнымъ, Багдада, возникла современная столица.

Близъ моста въ Багдадѣ стоитъ двухъ-этажный простой домъ, служащій убѣжищемъ старшему брату короля Фейсала экс-королю Али. Въ столовой этого дома арабскій путешественникъ, личный другъ Фейсала Миръ-Али-Амедъ имѣлъ возможность поговорить съ Фейсаломъ, который самъ явился туда навѣстить своего брата.

— Въ окно, — рассказываетъ Амедъ, — я увидѣлъ нѣсколько сотъ бедуиновъ, чистившихъ финики. Они весело смѣялись и беззаботно болтали, какъ истые сыны природы.

— Взгляните, — сказалъ король Фейсаль, — вотъ народъ, для котораго я работаю. Я считаю ихъ своими дѣтьми, и они въ самомъ дѣлѣ еще дѣти. Ихъ нужно еще образовывать и воспитывать, чтобы стать господиномъ надъ затрудненіями, представляющимися въ нашей странѣ. Она плодотворна и ея плоды можно значительно преумножить, если развить ея населеніе.

Черные слуги вошли въ комнату и подали кофе. Король сидѣлъ молча, быть можетъ онъ мечталъ о будущемъ, болѣе великомъ Иракѣ.

Подданные короля Фейсала рассказываютъ о своемъ властителѣ, что онъ принадлежитъ къ числу работниковъ, выполняющихъ самую тяжелую работу въ странѣ.

— Я зналъ его уже въ тѣ времена, — продолжалъ рассказъ Миръ-Али-Амедъ, — когда онъ былъ еще простымъ принцемъ. И вотъ я его спросилъ, очень ли велика разница между его прежнимъ существованіемъ, какъ принца, и нынѣшнимъ, какъ короля.

— О, да, — отвѣтилъ Фейсаль, угощая меня чашкой кофе. — Будучи принцемъ я работалъ 8 часовъ въ день, теперь, какъ король, я долженъ работать по крайней мѣрѣ 18 часовъ въ сутки, чтобы выполнить мой дневной трудъ.

Королю Фейсалу теперь 43 года. Онъ носитъ корону съ большимъ достоинствомъ. Ему въ самомъ дѣлѣ удалось превратить пустыню въ государство. Съ тѣхъ поръ, какъ Иракъ получилъ полную независимость, Фейсаль не перестаетъ заявлять, что онъ является большимъ другомъ Англіи и по этой причинѣ онъ отдаетъ теперь Англіи второй визитъ (первый состоялся 10 лѣтъ тому назадъ). Теперешній пріѣздъ короля Фейсала въ Лондонъ долженъ подчеркнуть его готовность сочетать интересы Ирака съ заботами Британской имперіи, чрезвычайно же торжественная встрѣча, оказываемая ему английскимъ королевскимъ домомъ, должна свидѣтельствовать о томъ, что Англія умѣетъ цѣнить столь полезную ей дружбу.

ОБОКРАДЕННЫЙ А. И. ЛАБИНСКИЙ

Въ Америкѣ обокраденъ пріѣхавшій изъ Парижа пианистъ А. И. Лабинскій: во время одной изъ репетицій онъ снялъ пиджакъ въ которомъ находился бумажникъ съ деньгами и всѣ документы.

Послѣ репетиціи А. И. Лабинскій обнаружилъ, что все это исчезло.